

ГУБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ДВОРЦОВЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ XVII ВЕКА

Л. Ю. Варенцова

Нижегородская академия МВД России

Поступила в редакцию 8 июля 2024 г.

Аннотация: рассматривается вопрос о губных учреждениях – избах в дворцовых землях Российского государства в XVII в. Автор приходит к выводу о том, что губные власти следили за правопорядком, осуществляли розыск преступников, вели судебные дела, заведовали тюрьмами в государевых вотчинах.

Ключевые слова: Российское государство в XVII в., дворцовые вотчины, губные избы.

Abstract: the article discusses the issue of provincial institutions – huts in the palace lands of the Russian state in the XVII century. The author comes to the conclusion that the labial authorities monitored law and order, carried out the search for criminals, conducted court cases, and managed prisons in the sovereign's estates.

Key words: the Russian state in the XVII century, palace estates, labial huts.

В некоторых царских вотчинах в XVII в. действовали особые учреждения – губные избы. Они были принадлежностью уездных дворцовых городов Российского государства. Строительство и ремонт губных изб считались повинностью посадских и уездных людей. Они снабжали губную избу дровами, свечами, бумагой, чернилами и перьями.

Цель данной статьи – рассмотреть институт губной избы в дворцовых российских городах XVII в. Изучением системы местного управления занимались дореволюционные ученые Б. Н. Чичерин [1], И. Д. Беляев [2], В. Е. Романовский [3], М. Ф. Владимирский-Буданов [4]; историки советского периода С. К. Богоявленский и С. Б. Веселовский [5], Н. П. Ерошкин [6]; исследователи постсоветского периода В. Н. Глазьев [7–9], С. В. Сироткин [10], О. В. Новохатко [11]. До настоящего времени губные избы в дворцовых городах специально не изучались. Новизна данной статьи заключается в постановке проблемы. Нами использовались нормативно-правовые акты, неопубликованные и опубликованные делопроизводственные документы, мемуары современников.

В России губные избы появились в середине XVI в. В XVII в. губные округа совпадали с уездом или включали несколько уездов и городов [8, с. 26]. Если в дворцовом городе не было приказной губной избы, то всеми делами заведовал воевода или приказчик, которому поступали распоряжения из Разбойного приказа [9, с. 109]. В грамоте царя Федора Алексеевича воеводе дворцового г. Белозерска Н. Тарханову в 1678 г. указывалось, чтобы воевода рассматривал все важнейшие дела, включая «губные избы

татинные и разбойные» в приказной избе или на «Великих государей белозерском рыбном дворе» [12, с. 62].

Губная власть на местах была представлена старостой и целовальниками (до 4 человек), а также дьяком, вместе составлявшими одно учреждение – губную избу. Изначально они выбирались бессрочно, но с XVI в. целовальников стали переменять погодно [4, с. 195]. Губной староста выбирался по государеву указу и по выбору дворян и детей боярских [13, л. 1]. Он ведал разбойные, татинные дела, был выборным судьей по уголовным делам, общим для целого уезда, избирался всеми категориями населения на неопределенный срок [1, с. 512]. Им давалась присяга служить честно, бескорыстно. Губной староста населением воспринимался как представитель государственной власти [8, с. 26]. «А ведати в городех розбойные и убийственные и татинные дела губным старостам и целовальником по наказом из Розбойного приказа, а воеводам в городех таких дел ничем не ведать» [14, с. 230], – отмечалось в «Соборном уложении 1649 г.» (гл. XXI «О розбойных и татинных делех», ст. 3).

Первые губные грамоты, согласно которым население выбирало губных старост, были изданы в 1539 г. Должность губных старост учреждена в период правления Ивана Грозного, приблизительно около 1566 г. [2, с. 410]. По мнению Г. К. Котошихина, губные старосты выбирались из дворян первой статьи. Во-первых, к ним относились те дворяне, которые «за верою и крестным целованьем, за старостью полковых служб служить не могут» или «за раны от службы отставлены» [15, с. 138]. Во-вторых, это были «добрые и прожиточные» люди. В-третьих, в губные старосты брали тех, «за которых служили дети их и племянники» [14, с. 230]. В-четвертых,

обязательным условием для губного старосты было знание грамоты [там же]. Если в дворцовых городах, где не нашлось таковых дворян, то привлекали «добрых и прожиточных» детей боярских [там же].

Избранных на местах губных старост направляли из городов в Москву, в Разбойный приказ, чтобы их «привести ко кресту по записи» [7, с. 193]. Затем они возвращались в губные округа с «наказными памятьми» на руках нести государеву службу, заниматься сыскными делами [там же, с. 27]. В «наказной памяти» фиксировалось, каким образом им ведать разбойные, убийственные и татинные дела [13, л. 1].

В целовальники избирались мелкопоместные дворяне, дети боярские, в дворцовых землях в качестве целовальников могли быть «добрые люди» из среды посада, волостного крестьянства. В губные целовальники выбирали «самых добрых людей, чтобы они были не воры и не бражники» [там же, л. 5–6]. Целовальники содержались за счет местных жителей. Они приводились к присяге не в Разбойном приказе, на местах – в присутствии воевод и старост: «Ко кресту приводит их в городех воеводам при губных старостах» [14, с. 231]. Крестное целование их совершалось в соответствии с инструкциями из Разбойного приказа. В Москву для крестного целования губным целовальникам, дьячкам, тюремным сторожам ехать не требовалось.

Делопроизводство губной избы возлагалось на губного дьяка. До принятия «Соборного уложения 1649 г.» дьяк избирался всеми людьми уезда, а затем в его избрании участвовали только сошные люди. Губной дьяк давал присягу, был подсуден наряду с губным старостой Разбойному приказу.

Представление о том, как выглядела губная изба в дворцовых городах XVII в., дает «Писцовая книга г. Балахны 1674–1676 гг.»: «Изба губная, против ея сени, в длину 4 $\frac{3}{4}$ (около 10 м), поперек 2 $\frac{1}{2}$ сажени» (около 5 м) [16, с. 16]. При ней находились три тюрьмы: разбойная, опальная, женская, земли под ними и сторожнями 20 сажень без чети сажени, поперек – 13 сажень [там же]. Все три тюрьмы занимали участок земли 42,07 м в длину, 27,7 м в ширину, т. е. общая площадь составляла около 1165 квадратных метров. Земские старосты для тюрем закупали дрова, свечи – для осмотра тюремных помещений [10, с. 164], солону – для «сидельцев» [там же, с. 68]. Среди «сколодников» были не только балахнинцы, но и выходцы из близлежащих дворцовых завожских волостей [17, л. 1]. Из всех частных построек Балахны «двор губного старосты Д. Юрьева (длиной 15 сажень (31,5 м), шириной 11 сажень (23,1 м))» [16, с. 17] выделялся своими размерами, являлся показателем высокого социального статуса.

В XVII в. тюрьма в уездном дворцовом городе Юрьевце Поволжском размещалась на территории

деревянного острога, возле караульной избы, была огорожена «тыном стоячим». Она состояла из трех изб [18, с. 7]. По мнению современников из числа представителей местного духовенства, неприглядным был ее вид, а в округе «от тюрьмы дух бывал..., и всякая нечистота текла...» [18, с. 22].

Особенностью Новгородской земли было наличие губных станов – помещений, где присутствовали губные старосты в дворцовых селениях новгородских пятин [19, л. 1–2]. В 1624 г. по указу царя Михаила Федоровича было велено устроить губной стан в Обонежской пятине Нагорной половины, на прежнем месте, «где он наперед бывал – у Спаса на Пшевже» [там же]. Ответственность за строительство возлагалась на губного старосту Б. Палицына [там же, л. 1]. Строить было приказано силами и средствами сошных людей, которые губною приписаны к Нагорной половине.

Впоследствии, в июле 1648 г., на обустроенном губном стане Обонежской пятин Нагорной половины, по указу царя Алексея Михайловича, губной староста И. Кобылин собрал дворян и детей боярских для избрания достойного представителя для поездки в Москву к 1 сентября 1648 г. – к началу рассмотрения и принятия на Земском соборе «Соборного уложения» [там же, л. 1–2]. В особых случаях губной стан выступал как площадка для сбора дворян и детей боярских, а губной староста был их организатором.

Губные старосты «татей и розбойников сыскивали», следили, чтобы «нигде татей и розбойников и розбойничих станов и приездов не было» [14, с. 231]. Их главной целью была борьба «с лихими людьми» (преступниками) – убийцами, ворами, бунтарями, беглецами, а также подавление сопротивления крестьян и посадских людей гнету феодальной эксплуатации [5, с. 384]. Губные власти препятствовали распространению корчемного вина, азартных игр [7, с. 27]. Губные старосты представляли в столицу в Разбойный приказ материалы о повальных обысках, расспросах и пытках «лихих людей».

Губные старосты находились вначале под надзором, а затем в полном подчинении воевод. Воевода стал прямым начальником губного суда, а губной староста – его помощником [6, с. 67]. С одной стороны, все губные власти находились под контролем воевод, а с другой стороны, губному старосте иногда поручалось производить следствие над воеводой, даже взыскивать с него штрафы [3, с. 421].

Делами о преступлениях, совершенных в различных уездах Российского государства, в том числе и в Московском уезде, ведал Разбойный приказ, а в самой Москве – Земский двор (приказ. – Л. В.) [14, с. 230]. Разбойный приказ являлся центром управления губными округами России. В нем производился суд над представителями губных властей [там же,

с. 231]. Губные старосты получали указы из Разбойного приказа, действовали под его надзором. В его ведении были не только губные избы, но и устройство, содержание тюрем. В Разбойном приказе следили за сословной принадлежностью губных властей, иногда заменяли выбранного губного старосту «лучшим» человеком, приказывали провести новые выборы. Выборы губных старост проводились жителями уезда, протокол выборов направлялся в Разбойный приказ. На основе этого протокола губные старосты приводились к присяге. Им не разрешалось быть у дел без крестного целования. Они обязывались судить бесхитростно, недругам не мстить, «посулов» не брать.

Если в Разбойный приказ поступали сведения о росте преступности, умножении числа разбоев в какой-либо дворцовой вотчине, то приказом направлялись сыщики для борьбы с «лихими людьми». Сыщики, как правило, являлись выходцами из окольных, из московских дворян, реже – из городских дворян. Воевода или приказчик государевой вотчины обязывался создать все необходимые условия для проведения повального обыска. В таком случае в подчинении сыщиков действовали и местные губные власти [9, с. 111]. Сыщики располагали гораздо большими возможностями в противодействии преступности по сравнению с губными старостами.

Институт губных старост был отменен в 1679 г., а восстановлен в 1684 г. В это время губные избы упразднялись, они либо были сломаны, либо их помещения проданы, а деньги от продажи были переданы в Москву, в Разбойный приказ [20, с. 327]. Борьба с преступностью была возложена на воевод, подьячие из губных изб переводились в приказные избы. «Татинные, разбойные, убивственные и всякие губные дела» были в полномочиях воевод [там же, с. 326]. Тюремные сторожа несли службу по-прежнему, поочередно, «с переменою погодно» [там же, с. 327]. Только в 1684 г. вновь появились губные власти. В периоды отсутствия губных старост сыщикам также было поручено бороться с политическими преступниками, уголовниками [11, с. 83].

Важнейшей обязанностью губного старосты являлся надзор за состоянием местных тюрем, возведение новых тюремных зданий взамен сгоревших, сгнивших, развалившихся [13, л. 5–6]. В тюрьмах несли службу подьячие, сторожа, недельщики, избиравшиеся из городских и уездных людей, «за верою, крестным целованием и за поруками» [15, с. 138]. Московские тюрьмы возводились на средства, выделенные Разбойным приказом [14, с. 246]. Целовальниками и сторожами при московских тюрьмах были тяглецы московских слобод, «ис подмоги, а на подмогу деньги тем целовальником и сторожем имати

у сотенных людей за их руками» [там же]. Палачами московских тюрем становились вольные люди.

В провинциальных городских тюрьмах служили целовальники, подьячие, тюремные сторожа, палачи из дворцовых посадских и уездных людей, а также сох [там же]. Строились и ремонтировались тюрьмы в городах, как губные избы, губные станы, на средства дворцовых жителей [13, л. 1]. В «Соборном уложении 1649 г.» (гл. XXI «О разбойных и татевных делах», ст. 97) отмечалось: «А быть тем целовальником и сторожам с подмогою же, а подмогу тем целовальником и сторожем и в губные избы на всякие расходы збирати деньги с тех же с посадских и сошных людей, по их договору» [там же]. Запрещалось взимать с местного населения лишние деньги, «чинить им убытки» [13, л. 1–6]. Годовое денежное жалованье они получали из приказной избы [18, с. 142].

На тюремных целовальников и сторожей губными властями возлагалась ответственность за побег «сидельцев». Губные старосты проводили регулярный осмотр тюремных помещений, тем самым предотвращали попытки побегов. Они следили, чтобы «тюрьмы были крепки, и у тюремных сидельцев в тюрьмах ничего не было, чем им ис тюрьмы вырезаться» [14, с. 247]. Губные старосты не могли без государева указа отпустить узников, в противном случае они сами подвергались жестокому наказанию – нещадному битью кнутом [там же].

«Соборное уложение 1649 г.» (гл. XXI, ст. 82–86) закрепило обязанности губных старост и целовальников по розыску разбойников и татей, по расследованию разбойных дел. Осуществляя полицейские полномочия, вылавливая лихих людей, губным старостам вменялось в обязанность «удостовериться в личности» всех перешедших из другой губы – иной административной единицы. В «Соборном уложении 1649 г.» отмечалось: «А которые лихие люди крадут, или розбивают, и, наворовав, ис той Губы збежат в ыную Губу, и в той Губе, в которую Губу прибегнут жити, и губным старостам их допросить, где они прежде сего жили, и от чего сошли жити в ыную Губу» [там же, с. 243]. Итак, губными властями выявлялись подозрительные лица, а также те, к кому они приезжали, «разбойную рухлядь» привозили и продавали. Губной староста расспрашивал «лихого человека», задерживал, переписывал, запечатывал его имущество, сохраняя его до решения дела. Губные старосты не только разыскивали татей и разбойников, но и следили, чтобы разбойничьих станов и приездов не было. Они судили, казнили «лихих людей», налагали другие виды наказаний. Если губной староста был в дружбе или вражде с подсудимым, то его не устраняли от разбора дела, но он проводил его в присутствии губного старосты из другой губы [там же, с. 231]. Наказывались те жители, которые приютили при-

шлых преступников, за то, что «они тех людей пустили к себе жить, а губным старостам не явили» [там же, с. 244].

Губному целовальнику, отпустившему разбойника или татя или сбежавшему с украденным имуществом, совершившему должностное преступление, грозила при поимке торговая казнь в виде битья кнутом, а также смещение с должности [там же]. Если имуществом губного целовальника невозможно было возместить иск, то оставшуюся для взыскания сумму раскладывали на тех людей, которые выбрали данного губного целовальника [8, с. 28]. Они же были обязаны его сыскать. Посадская или сельская община была в ответе за действия выборных целовальников.

Компетенции губных властей были закреплены «Соборным уложением 1649 г.», они отличались широкими масштабами, простирались на уголовную полицию (поимку преступников), суд над разбойниками, татями, убийцами, поджигателями, контроль над тюрьмами. Губные избы и губные станы обустроивались силами и средствами дворцового населения. Губными властями выполнялись поручения не только в интересах монарха-вотчинника, но и государства в целом. Воеводы, приказчики, сыщики, присланные в дворцовые земли из Москвы, также выполняли функции губных властей. Разбойный приказ надзирал за лицами, которые осуществляли уголовно-карательную политику Российского государства. Губные избы функционировали только в дворцовых уездных городах, а губные станы – только в государевых вотчинах Новгородской земли. Во второй половине XVII в. должность губных старост не была постоянной, она то вводилась, то упразднялась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичерин Б. Областные учреждения в России XVII в. / Б. Чичерин. – М., 1856.
 2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев. – М., 1888.
 3. Романовский В. Е. Государственные учреждения Древней и Новой России / В. Е. Романовский. – М., 1911.
 4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Пгт. ; Киев, 1915.
 5. Богоявленский С. К. Местное управление / С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский // Очерки истории СССР: период феодализма XVII в. – М., 1955.
 6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1983.
 7. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001.
 8. Глазьев В. Н. «А татю бы было не столь сладко» / В. Н. Глазьев // Родина. – 2012. – № 11.
 9. Глазьев В. Н. Сыщики Разбойного приказа в России в XVII в. / В. Н. Глазьев // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1 (290).
 10. Сироткин С. В. Один год из жизни Балахны (по материалам приходо-расходных книг земских старост 1617–1618 гг.) / С. В. Сироткин // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII в. : материалы Всероссийской научной конференции, г. Балахна Нижегородской области, 6–7 октября 2011 г. – Н. Новгород, 2012.
 11. Новохатко О. В. Переславль-Залесский в XVII в. : управление городом / О. В. Новохатко // Труды института российской истории РАН. – 2013. – № 11.
 12. 1678 г. мая 3. Грамота [царя и великого князя Федора Алексеевича] белозерскому воеводе Н. Тараканову об оставлении его воеводою в Белозерске на третий год с похвалою за его службу // Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией : в 12 т. – СПб., 1862. – Т. 8.
 13. Русская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) (далее – РС НИА СПб ИИ РАН). – Ф. 12. – Оп. 2. – Д. 432.
 14. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985. – Т. 3.
 15. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – М., 2000.
 16. Писцовая книга г. Балахны 1674–1676 г. / под ред. А. Я. Садовского // Действия НГУАК. – Н. Новгород, 1912. – Т. 15, вып. 1. – С. 1–170.
 17. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО, г. Нижний Новгород). – Ф. 1406. – Оп. 1. – Д. 10.
 18. Виноградов Н. Н. Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 1. Писцовая и межевая книги по городу Юрьевцу Поволжскому и Стрелецкой слободе 7184 (1676) г. – Кострома, 1912.
 19. РС НИА СПб ИИ РАН. – Ф. 12. – Оп. 2. – Д. 213.
 20. 1679 г., декабря 13. Губной наказ стольнику и воеводе Степану Ловчикову о заведовании губными делами в Арзамасе // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук : в 4 т. Т. 4 (1645–1700). – СПб., 1836.
- Нижегородская академия МВД России
Варенцова Л. Ю., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
E-mail: l_varentsova.65@mail.ru
- Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs of Russia
Varentsova L. Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
E-mail: l_varentsova.65@mail.ru